

БОЛЬШОЙ ПУТЬ

ОЧЕРК

СОТНЕИ закопченных дымящих труб вонзилось в небо Кемерово. Вторая всесоюзная кочегарка набирает темпы, рассылает по стране эшелоны с углем. Хетагуровки мчатся на дальневосточные стройки за своим счастьем. Самолет «Родина» приземлился где-то в низовьях Амура, установив мировой рекорд дальности полета по прямой...

Прекрасное, легендарное время! Дерзая, экспериментируя, раздвигая границы возможного, страна закладывала фундамент первого в мире социалистического общества.

А неподалеку от центра Кемерово, смякаясь с городской толкучкой, раскинул свой островерхий шатер цирк Шапито. Фасад, несмотря на светлый летний вечер, залит огнями, люди толпятся перед ярко расцветченными афишами, зазывающими на представление спектакля «Собор Парижской богородицы».

На цирковой арене? Выходит так. Заинтригованные кемеровцы действительно смотрят яркий, волнующий спектакль о горестной судьбе маленькой прелестной Эсмеральды. На манеж, превращенный в площадь перед собором, выезжает, гарцуя на лошади, блестящий Феб во главе конного отряда кавасиров. Под куполом цирка на огромном колоколе раскачивается безобразный Квизимодо, пытаясь вызвать из беды обреченную на казнь Эсмеральду. А виновник ее гибели — священник-злодей Клод Фролло, путаясь ногами в полях черной сутаны, спускается из оркестровой ложи по веревочной лестнице, чтобы довершить свое черное дело.

Поздно ночью, возвращаясь со спектакля домой, исполнитель роли Клода Фролло подвергся внезапному нападению. Это была бурная зрительная реакция. Со словами: «Вот тебе за Эсмеральду!» — кто-то обрушил ему на затылок тупой удар...

— Очнулся я в больнице с перебинтованной головой, — рассказывает, смеясь, мой собеседник. — Когда сняли бинты, я, конечно, продолжал играть злосчастного юре, но уже без парика, так как на моей макушке, аккуратно выстриженной медиками, ослепительно сияла «тонзура», совсем такая, какую носят католические священники.

Мы сидим в скромной квартире артиста Государственного русского драматического театра Сергея Александровича Волгина в центре Улан-Удэ. Волгин давно запомнился любителям театра во многих ролях, которые он сыграл в лучших спектаклях последних лет. Многие зрители любят его искренность, тонкую, углубленную разработку сценических характеров. Думается, будет интересно узнать, как складыва-

лась судьба актера, творческая и человеческая.

РОДИЛСЯ Сергей Волгин незадолго до революции в Москве в семье инженера-строителя, который работал потом в рабочей-крестьянской инспекции; оба — отец и мать — страстно любили театр, имена Шалинина, Собинова, Станиславского упоминались ежевечерне. Маленькому Сереже ничего не оставалось, как тоже полюбить театр, но попасть в него ему пришлось не скоро. Рано лишившись отца, Сергей с отроческих лет вынужден был работать, чтобы прокормить себя и мать. Работал телефонистом в ЧОНе, затем ночным сторожем и рабочим колбасной мастерской (одновременно заканчивая школу второй ступени и мечтая поступить на геологический), далее кондуктором и помощником машиниста на железной дороге и т. д.

Все началось с «живой газеты»... Впрочем, пусть лучше Сергей Александрович рассказывает сам.

— Ну об этом говорить особенно нечего — как у многих моих коллег, все началось с драмкружка, — говорит он. — А настоящую актерскую выучку я получил, работая с режиссером Геннадием Андреевичем Мирским. Тем самым, который поставил в кемеровском цирке «Собор Парижской богородицы». Это был во многом интереснейший человек. Чудесный режиссер, к тому же теоретик и умный воспитатель, он умел сколачивать вокруг себя людей. Встретившись в Кемерове, мы с ним не расставались на протяжении четырнадцати лет, работали в Томске, Новосибирске, Караганде, Сыктывкаре (годы войны). Поработали мы самым последним сезоном перед войной и в Улан-Удэ. Старожилы должны помнить его яркие, полные выдумки и блеска постановки. Вообще это было время горячих и смелых поисков новых путей в театральном искусстве...

В ПОСЛЕВОЕННЫЕ годы Сергей Александрович — уже признанный мастер сцены, заслуженный артист Коми АССР, отличник военно-шефской работы и дипломат ряда общесоюзных смотров — работал в Мурманске, Кызыле, Благовещенске, Ашхабаде, снова в Томске и, наконец, после долгого перерыва, вернулся в Улан-Удэ. Это было пять лет тому назад. За все это время артистом сыграно более двухсот пятидесяти больших и содержательных ролей. Даже простой перечень дает представление о широком диапазоне дарования и творческих интересов артиста: Грозный и Годунов, Скалозуб и Горюх, Бульчев и Иван Коломийцев, профессор Полежаев и Забелин, Дзержинский и Горький, Вершинин и Иван Ры-

баков, Кошкин и Берсенева. Многие роли в шекспировских, балзаковских, шиллеровских спектаклях и современном советском репертуаре.

— Какой спектакль больше других запал вам в душу? — спрашиваю Сергея Александровича.

— Об одном я уже вам говорил, — отвечает артист и, улыбаясь, ощущая свой затылок. — А второй, еще более значительный и любимый мной, шел здесь, в Улан-Удэ. Это все тот же Геннадий Андреевич Мирский в последний предвоенный сезон, который застал нас в Бурятии, поставил инсценировку нашумевшего фильма Михаила Ромма «Ленин в восемнадцатом году». Я в этом спектакле играл Горького, но истинное удовольствие на каждом представлении получал не столько от своей роли, сколько от общения моего героя с Лениным, роль которого блестяще исполнял заслуженный артист Бурятии Л. Каверин. Какое было наслаждение следить за ленинской мыслью, способной увлечь любого собеседника. Помню, мы, занятые в спектакле актеры Закаатов, Прозорова, Консон, Гусев, не занятые в той или иной картине, любили наблюдать за Кавериным из-за кулис — так сильно было очарование игры. Старожилы, видимо, помнят: это был удивительный спектакль, в котором сцена и зрительный зал как бы сливались воедино. Оvation на премьерах длилась до двадцати минут. Через год уже грянули пушки...

НЕКОТОРОЕ время мы оба молчим, думаем о неумирающем чуде искусства, способного так сильно воздействовать на жизнь. В сущности, зрители всего больше любят именно те спектакли, которые обогащают их духовный мир, дают пищу мысли и чувству, позволяют воскликнуть вслед за Пушкиным: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать».

— А какая роль вам больше всего удалась, Сергей Александрович?

— Трудно, конечно, вспомнить сразу. Да, может быть, не это главное. Больше всего я люблю самый процесс работы над образом.

Как же это происходит? Получив роль, Сергей Александрович обычно обкладывается книгами. В работе над ролями в революционных спектаклях большую помощь оказала ему, например, известная книга Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Когда работал над образом Полежаева, стопкой лежали перед ним сочинения Климента Аркадьевича Тимирязева. В «Разломе» Волгин прошел, как он шутя говорит, все ступени служебной лестницы — от простого матроса до контр-адмирала.

— Но все-таки самой любимой моей ролью была и остается роль Ивана Рыбакова в одноименной пьесе Виктора Гусева, — говорит Сергей Александрович. — Этот спектакль я поставил сам — моя первая и, пожалуй, последняя режиссерская работа. Сейчас студия телевидения хочет показать своим зрителям монтаж из гусевской дилогии об отце и сыне Рыбаковых в моей постановке. Я с огромной охотой принял это предложение. В этих пьесах, написанных чудесным гусевским стихом, говорится об ответственности отцов за судьбу сыновей. И хотя действие отнесено к годам суровых военных испытаний, тему я считаю весьма актуальной.

Хозяйка дома, уже одетая, показывает мужу на часы. Действительно, ранний январский вечер уже опустил свой синий занавес на город. Пора супругам в театр (Марияна Алминова работает в одном из подсобных цехов). Сегодня идет «Разлом». Капитан 1-го ранга Берсенева скоро поднимется на «Зарю», взняв курс на революционный Петроград и скажет Годуну:

— Я иду с вами, товарищи. С вами до конца.

До конца со своим искусством и Сергей Александрович Волгин — отличный мастер сцены, отдавший любимому делу сорок лет жизни. И нас еще не раз будет волновать его игра.

Р. АГИШЕВ.